

Щепотка корицы, чёрный кот и злые духи!

Кэлин Джозефсон

Рэ́йвенфолл

Гостиница с характером

Кэлин Джозефсон
Рэйвенфолл. Гостиница
с характером
Серия «Рэйвенфолл. Фэнтези
с щепоткой корицы», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70064653

Кэлин Джозефсон. Рэйвенфолл. Гостиница с характером: Эксмо;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-196727-7

Аннотация

ПРАВИЛА ГОСТИНИЦЫ «РЭЙВЕНФОЛЛ»:

1. Не вредить дому – он отомстит.
2. Если заблудишься, позови чёрного кота.
3. Если с тобой заговорит зеркало, не отвечай!
4. Если тебе грустно, выбери: эрл-грей или горячий шоколад с тыквой.
5. Сначала пирог, потом паника!

Именно сюда приехал четырнадцатилетний Колин, мальчик, который очень нуждается в помощи! Смогут ли владельцы «Рэйвенфолла» помочь ему? И какие тайны ему предстоит узнать о гостинице, семье, которая ей владеет, и о самом себе?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кэлин Джозефсон Рэйвенфолл. Гостиница с характером

Kalyn Josephson

RAVENFALL

Copyright © Kalyn Josephson, 2022

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency

Иллюстрации на обложке и в блоке, леттеринг *Натальи
Динер*

© Дёмина А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Моей сестре Адриане,
научившей меня ценить моё сердце*

Глава 1

Анна

В темноте всё выглядит иначе.

Днём балльный зал «Рэйвенфолла» с его переливающимися витражами и высоким арочным потолком служил идеальным местом, чтобы рисовать здесь часами напролёт. По ве-

черам же наша семейная гостиница превращалась в минное поле из смеющихся постояльцев, дружелюбных местных и, насколько я могла судить, минимум одного оборотня рядом с фруктовым пуншем (судя по тому, как он налегал на кубики сырого мяса).

Я ничего не имела против толпы, если бы необходимость избегать в ней физических контактов не была настолько невыполнимой задачей. Незадолго до моего тринадцатилетия во мне пробудились психометрические силы – завуалированный способ сказать: «Поздравляем! Получи видения смерти!» В тот момент я как раз лавировала в толпе в погоне за нашим котом Максом, пока он не вытворил очередную шалость с кем-нибудь из гостей.

Сейчас же я пряталась за цветком в кадке.

Вы скажете, никому в голову не взбредёт податься в тёмный угол, оккупированный поющим плющом – сейчас шелестящим мелодией «Мерцай, мерцай, маленькая звёздочка» и пытающимся обернуть свои багровые лозы вокруг моей лодыжки, – и однако же, мне уже три раза пришлось уклоняться от забредших сюда гостей.

Правда, бальный зал «Рэйвенфолла» действительно был забит под завязку. На дворе стояла середина октября, и это означало, что до Самайна и главной вечеринки в году, которую организовывала моя семья, оставались считанные дни, хотя половина собравшихся здесь понятия не имели, что именно кельтские традиции Самайна легли в основу празд-

нования Хэллоуина или что по этой же причине правильнее говорить «Сауин».

Но в городке Уик штата Орегон, где магия всегда на расстоянии вытянутой руки, Хэллоуин считается главным торжеством в году, а «Рэйвенфолл» – главным местом для его празднования. Наша вечеринка в честь Самайна в конце октября – это единственное время года, когда дом опускает магический барьер и открывает свои двери абсолютно для всех, начиная с местных ведьм и заканчивая живущими в лесу Холлоуторн шелки¹. Разумеется, под прикрытием чар гламура. Потому что у приезжих должен быть повод для разговоров, а не для панического бегства из города.

Дом никогда не скупился на украшения, превращая белый каменный потолок двухэтажного зала в закручивающуюся галактику из пастельно-розовых, голубых и жёлтых звёзд. Блестящий туман собирался в углах и спускался вниз спиральными лентами.

Когда плющ переключился на мои волосы (что для кудрей категорическое «нет»), я перебежала вдоль стены за фуршетный стол, где в этот момент дом активно пытался впихнуть обескураженному посетителю ломтик тыквы, украшенный маленькими оранжевыми звёздочками из глазури. Интересно, как долго тот всматривался в воздух в поисках нитей, которых там нет? Местные магические существа давно пере-

¹ Шелки – мифические существа из шотландского фольклора, морской народ, люди-тюлени. (Здесь и далее прим. ред.)

стали обращать на это внимание – дом был способен двигать любые неживые объекты внутри себя при условии, что они хотя бы раз его касались.

Я была на полпути к следующему укромному уголку за баром, когда заметила своих старших сестёр, разговаривающих с мистером и миссис Андраде рядом с балюстрадой лестницы на второй этаж. Они смеялись. Семейная пара владела приютом для животных в центре Уика – ну знаете, всякие кошки, собаки, карманный дракон для более магически продвинутых. Кара наверняка пользовалась телепатией, а её близняшка Роуз – эмпатией, чтобы развлекать своих собеседников. Местные, знающие об их способностях, часто старались скрыть свои мысли от Кары или эмоции от Роуз, чтобы проверить, смогут ли сёстры их «прочитать».

Меня кольнула зависть. Я бы тоже хотела забавлять местных или предсказывать судьбы, но, в отличие от остальных членов семьи, моя психометрия бесполезна. Когда я касаюсь кого-то, наблюдавшего смерть, я вижу всё как воспоминание этого человека. А вопросы из серии «А помнишь, как он тогда умер?» – не самый удачный способ расположить к себе собеседника.

В целом я привыкла к видениям. Когда вся твоя родня – экстрасенсы, кровь и чудовища становятся неизменными атрибутами твоей жизни, особенно в Уике. Но порой я касаюсь кого-нибудь, кто наблюдал по-настоящему ужасную смерть, и после неделями не могу выбросить это из головы, кошма-

ры не дают мне спать по ночам, сколько бы лаванды бабушка ни прятала под мою подушку.

Поэтому сегодня я была твёрдо намерена держаться своего плющевого угла. Но мои планы пошли под Максов хвост.

Близнецы заметили меня и, попрощавшись с супругами Андраде, нагнали у стены.

– Опять ищешь лёгкие пути, Анна? – спросила Кара, как всегда старающаяся меня задеть.

– Ты боишься? – В отличие от неё, Роуз всегда само сопереживание и доброта. Конечно, с её способностью чувствовать чужие эмоции ей достаточно одного взгляда на меня, чтобы получить ответ на свой вопрос.

Они на пять лет меня старше и заметно выше, а сейчас в своих переливающихся серебристых платьях и туфлях на шпильках в тон они нависали надо мной как небоскрёбы. Сёстры понимающе переглянулись, и мне ужасно захотелось познакомить их красивые платья с поющим плющом. Они очень разные, насколько это вообще возможно с разнояйцовыми близнецами, начиная с их способностей и заканчивая характерами, но они всегда знают, что у другой на уме. И это не беря в расчёт нечестное преимущество Кары.

– Вы прекрасно знаете, что я не могу пойти в глубь зала, – проворчала я, сунув руки в карманы платья. Кара всегда говорила, что карманы на платье – это безвкусица и упущенная возможность захватить с собой милую сумочку, но других я не ношу. А вдруг я найду в лесу горсть пыльцы фей? Мне

что, повсюду таскать с собой сумочку?

– Нельзя быть настолько неуверенной в себе. – Роуз рассеянно закутила на пальце рыжую прядь. – Не прячься от своих сил, Анна. Прими их как данность.

– Как мы. – Кара с хищной ухмылкой кивнула проходящему мимо мужчине. – Например, вон тот мужик. Сегодня он забыл надеть нижнее белье.

– О, – тихо выдохнула Роуз. – Он сконфужен.

– А та женщина – банши². – Кара указала на бледную женщину на другом конце зала, подозрительно близко следующую за пожилым посетителем гостиницы. Сестра лукаво на меня покосилась. – Но я, конечно же, пойму, если тебе страшно...

Я сердито на неё сощурилась:

– Вовсе нет.

Кара откинула волосы с плеча.

– Спорим, ты и минуты не выдержишь на танцполе?

– Это мы ещё посмотрим! – И я нырнула прямо в толпу.

И тут же прыгнула вбок, чтобы избежать столкновения с вальсирующей парой, а затем поднырнула под рукой болтающей с кем-то женщины, широко жестикулирующей кружкой с тыквенно-корневым пивом. Добравшись до небольшого просвета в центре зала, я притормозила и оглянулась в поисках пути спасения. Я доказала свою правоту, и теперь

² Банши – в ирландской и шотландской мифологии фея, предвещающая своим жутким криком смерть.

пора убираться отсюда, прежде чем...

Чья-то рука скользнула по моей, и я ахнула. Тело обдало уже знакомым, но всё ещё непривычным холодом от пробуждённой силы. Зрение затуманилось, и внезапно перед глазами стало прокручиваться чужое воспоминание. По сравнению с прошлыми видениями, которые меня посещали, это было странно искажено, будто я наблюдала за происходящим через мутную воду.

Я в номере мотеля. Рядом со мной стоит мужчина, но всё моё внимание сосредоточено на другом мужчине, привязанном к стулу передо мной. Его бледное лицо в синяках, но серые глаза смотрят дерзко и непоколебимо. Он не рассказывал ничего о том, что меня интересует. У его ног лежит женщина с ярко-рыжими волосами и остекленевшими зелёными глазами, смотрящими в никуда. Она тоже не пожелала отвечать на мои вопросы.

Мужчина рядом со мной пихает меня в бок, и я делаю шаг в сторону и кланяюсь. Его голос похож на шорох осенних листьев, от него едва уловимо пахнет сосной. Я не могу разобрать ни слова. Он стискивает пальцы вокруг шеи привязанного мужчины. Его ладонь светится золотом, и это сияние вырывается из горла пленника и разносится по его венам на руках.

Затем входная дверь номера открывается.

На пороге стоит мальчик лет четырнадцати, за ним –

юноша постарше. Мальчик, вскрикнув, роняет ключ. Сияние гаснет, и голова убитого золотым светом безвольно падает ему на грудь.

Я прыгаю на мальчика и сбиваю его с ног. Мы боремся на полу. Он сбрасывает меня с себя, но я успеваю ранить его ножом в плечо. Я слышу жуткий звук и, перевернувшись, вижу, что между рёбрами другого мужчины тоже торчит нож. Он пытается вылезти из окна. В этот момент юноша достаёт ещё один нож и бросает, попав ему в плечо.

Ощущение холода покинуло меня так же внезапно, как появилось, и я пришла в себя посреди бального зала, сидя на полу и прерывисто дыша. В кого бы я ни врезалась – кто бы ни был источником этого видения, – этот человек успел скрыться.

Роуз и Кара с одинаковыми обеспокоенными лицами помогли мне подняться.

– С тем мужчиной что-то не так, – задумчиво сказала Роуз.

– Я не смогла прочесть его мысли. – Кара рассеянно смахнула с юбки налипшие на неё блёстки в форме звёзд. – Анна?

Но я их едва слышала. Перед моими глазами стояли лица тех убитых в номере мотеля.

– Анна? – мягко повторила Кара, но я лишь помотала головой и, высвободившись, бросилась вон из зала.

Мой карандаш летал над страницей, стараясь запечатлеть выражение лица убитого мужчины. Его глаза мне никак не давались: та особая пустота смерти, как огонёк свечи, потушенный собственным расплавленным воском, упорно от меня ускользала. Я смазала пальцем штриховку его радужек, из-за чего они стали серыми, как сталь, и более призрачными.

– Всё равно не то, – пробормотала я. – Да и зачем ему глаза? Кому они вообще нужны?

Я отбросила альбом в сторону, едва не сбив стоящую на кухонном столе кружку с чаем «эрл грей». Он скользнул за край, но один из стульев сдвинулся вбок, не дав ему упасть на пол. Я вяло взмахнула рукой, благодаря дом, и уронила голову на стол. Обычно рисование помогало мне справиться с видениями, но эти образы по какой-то причине не желали меня отпускать.

– Это было ужасно, – сказала я Норе. – Так же ужасно, как

когда Макс поймал ту фею, пытавшуюся отравить всё в саду.

Фея выжила, но в саду до сих пор оставался маленький участок земли, где ничего не росло из-за пролитой тогда крови.

– Тебе было три – как ты можешь это помнить? – Мама даже не оторвалась от надраивания и без того сверкающих чистотой шкафчиков.

Их деревянная поверхность практически сияла в золотисто-красном свете солнца, но уборка после вчерашней вечеринки сильно подпортила настроение дому, а первым средством для его поднятия было натирание до зеркального блеска кухонных шкафов и кружка «эрл грей». Дом и сам мог их себе организовать, но это всё равно что самому массировать себе плечи.

– Я губка смерти, – буркнула я в стол.

Нора вздохнула. Она выглядела усталой, возможно, её опять всю ночь мучила мигрень.

– Ты разглядела чьё-нибудь лицо, губка?

– Нет, видение было странным и размытым.

Я принялась царапать уголок одной из многих пар инициалов, вырезанных на поверхности стола, когда дом вдруг утянул её подальше от моего ногтя. Я едва не упала со стула и сердито воззрилась на ближайшую стену, пока дом неохотно не вернул инициалы на место. Не моя вина, что это старое дерево всё в метках от ножа.

Нора задумчиво хмыкнула:

– Такое бывает, когда рядом задействована мощная магия.

– Тому человеку, в кого я врезалась, было совершенно наплевать на их смерть, – добавила я, передёрнувшись.

Тот мужчина умер не сразу. Смерть вообще не такая, какой её изображают в фильмах. Пули не всегда убивают мгновенно и не оставляют достаточно времени, чтобы несчастный сумел произнести последние слова. Смерть никуда не спешит, она липнет к одежде, как дым от костра, и после каждого видения меня преследовало острое желание смыть её с себя.

Руки Норы замерли, и она повернулась, глядя на меня большими карими глазами. Это наш старший брат завёл привычку называть её по имени, а мы с близнецами её подхватили, и теперь нам уже казалось странным говорить ей «мама».

– Мне очень жаль, дорогая, – сказала она. – Я знаю, как эти видения тебя гложут, но скоро ты с ними освоишься. Немного терпения.

С того момента, как моя способность впервые проявилась пару месяцев назад, в день моего тринадцатилетия, родители из кожи вон лезли, чтобы убедить меня, какая она замечательная, но я совершенно этого не понимаю. Какой смысл рассказывать людям о том, что они и так знают? Я не могу чувствовать чужие эмоции, как моя сестра Роуз, или видеть ауры и призывать духов, как тётя Элейн. Из всей нашей семьи лишь от моей силы нет никакого проку.

Гостинице от меня столько же пользы, сколько вампиру –

от солнца.

Нора выпрямилась и упёрлась руками в бока:

– Случившееся с теми людьми ужасно, но это видение могло быть десятилетней давности.

– Может, я могу помочь найти преступников? – спросила я. – Если расследование застопорилось.

Нора нахмурилась, и я поморщилась. Она ко многому относилась очень серьёзно, но я наступила на самую большую мозоль, предложив рассказать о наших способностях людям, не знающим о магии. Мы не то чтобы скрываем их всеми правдами и неправдами – уж точно не живя в Уике, – но даже здесь обычные люди верят в магию так же, как некоторые дети – в Санта-Клауса: для них всё это несерьёзно. Если старина святой Ник вдруг залезет к ним домой через печную трубу, они вызовут полицию, поэтому все волшебные жители округа изо всех сил стараются вести себя тише воды ниже травы.

Большинство гостей «Рэйвенфолла» заселяются сюда ради наших экстрасенсорных способностей, но верить в их существование где-то там, вне твоей обыденной жизни, и наблюдать их воочию – это совсем разные вещи. Многие так и уезжают, уверенные, что всё это обман и фикция, а те, кто действительно открыт необъяснимому, не станут болтать об этом на всех углах, иначе они станут жертвами Косого Взгляда – ну знаете, когда люди собирают лицо в кучку и театрально дёргают бровями, услышав от тебя что-нибудь из серии

«Я вчера общалась с моим умершим дедушкой».

Мне это очень знакомо.

– Тебе прекрасно известно, что мы не вмешиваемся в подобных ситуациях, Анна, – сурово сказала Нора. – Если поползут слухи, люди начнут задавать вопросы, на которые мы не сможем ответить, а подобное ещё никогда ничем хорошим для нашей семьи не заканчивалось.

– Но я хочу узнать, что произошло! – возразила я. – Мне нужно это узнать!

Стена позади меня громко скрипнула, как если бы дом переместил часть своего веса.

– Слышишь? Даже дом согласен, – ткнула я большим пальцем себе за спину. Эта стена уже давно нуждалась в свежем слое краски, но дом был категорически против. Как утверждала Роуз – боялся щекотки.

– Дом во всём с тобой соглашается, дорогая. Ты единственная, у кого есть на него время.

У меня было время на дом, потому что никто не приезжал в «Рэйвенфолл» ради моих сил. Пока Нора предсказывала будущее, близнецы «читали» людей, а тётя Элейн беседовала с духами, я подметала террасу и гоняла спрайтов³ из сада. Если бы от моей способности была кому-то польза, если бы я не чувствовала себя чужой в родном доме...

Всё усугублялось тем, что именно мне предстояло унаследовать гостиницу. Нора никогда не проговаривала это вслух

³ Спрайт – мифическое существо, похожее на крошечного эльфа.

– но кто ещё это мог быть? Старший брат собирался преподавать физику в Массачусетском технологическом институте и найти своим силам научное доказательство, близнецы уже получили стипендии в колледж. Осталась только я.

Скучная бесполезная я.

Вертя в руках кружку с «эрл греем», я снова и снова прокручивала в голове сцены из вчерашнего видения в надежде зацепиться за что-нибудь новое. Кто эти люди? Почему этих несчастных убили?

Звон разбившегося фарфора заставил меня подпрыгнуть. Кружка с чаем упала со стола. Нора смотрела на меня невидящим взором. Перед ней, разлетевшись в форме ровного полумесяца, лежали осколки цвета высохшей крови.

Я вздохнула, сожалея о потере одной из любимых чашек. Но она была не первой жертвой способностей нашей семьи – и далеко не последней. Однажды наш дядя поджёг свой любимый диван, а бабушка так вообще регулярно забывает про парящие под потолком вещи. Глаза Норы всегда напоминают зомби, когда её посещают видения, и если в этот момент она что-то держит в руках, этот предмет проходит проверку на столкновение с гравитацией.

Я люблю магию, но жизнь в семье экстрасенсов порой может сильно раздражать.

Нора быстро заморгала, что означало окончание видения.

– О...

– Что ты видела?

– Кровь, – мрачно ответила она. – И нового гостя.

Стоящие у стены совок и небольшая метла вспорхнули и принялись подметать осколки. Мама отошла в сторону, чтобы им не мешать.

– Яснее не стало, – буркнула я.

Некоторые видения Норы чётки и понятны, как если бы она смотрела в хрустальный шар, а другие оставляют после себя лишь общие образы и ощущения. Эти её слова могли означать что угодно. Сколько бы я ни жаловалась на свои силы, но мои видения, по крайней мере, намного конкретнее.

Она пожала плечами, будто спрашивая «А что я могу поделать?», и подобрала полный совок.

– Давай так: раз тебя это так сильно беспокоит, я постараюсь разузнать о том, что ты видела. А ты пока сделаешь мне одолжение и покормишь Макса, пока этот гость не прибыл. Ты же знаешь, как он реагирует на кровь.

– На этой неделе Макса кормит Кара.

Нора демонстративно вздохнула, как бы безмолвно намекая, что я всё усложняю:

– У твоей сестры сегодня несколько клиентов подряд. У неё сейчас нет времени на дела по хозяйству.

Ну конечно. Раз остальные члены нашей семьи способны развлекать гостей и зарабатывать с помощью своих способностей, то кто же ещё больше всех подходит на роль бесплатной прислуги?

– Пожалуй, я наряжусь на этот Самайн Золушкой, – ска-

зала я. – Или рыжей падчерицей.

Она не засмеялась:

– Это нечестно, Анна. Неужели так сложно покормить Макса?

Спорить с Норой было всё равно что просить реку сменить русло, к тому же не сосчитать, сколько раз мы спорили на эту тему. Что не мешало мне всегда надеяться услышать: «Ты права, Анна, сегодня ты будешь общаться с гостями, а Кара всё сделает по хозяйству».

– Да мне всё равно.

Сделав вид, что я не вижу её осуждающе нахмуренных бровей, я вышла через боковую дверь на опоясывающую дом террасу. Каштановые доски приятно грели босые ноги, несмотря на туман, который даже послеполуденное солнце не сумело до конца разогнать. Дом удовлетворённо вздохнул, расслабляя под тёплыми лучами свои разномастные интерьеры и неровные полы.

Кто-то уже начал украшать его к Самайну: на внешней стороне кухонной двери висел осенний венок из маленьких белых тыкв, коричневых листьев и подсолнухов, а перила кованого ограждения террасы обвивала гирлянда, питаемая, если верить бабушке, настоящей пылью фей. Разломи один такой огонёк и загадай желание – и оно сбудется, но только если речь идёт о чём-нибудь незначительном: например, ты ищешь потерянный носок или хочешь подсластить чай.

Просить их сделать что-нибудь по хозяйству бесполезно,

я пробовала.

Ещё пару месяцев назад у меня бы и в мыслях не возникло спорить из-за домашних обязанностей – я люблю жить в нашей гостинице и даже люблю работать здесь наравне с родными. Но теперь, обретя силу, я хотела приносить пользу как полноправный член «Рэйвенфолла», а не как ещё одна пара рук. Но для этого мне необходимо доказать, что и от моей способности может быть толк.

Вот если бы мне удалось помочь тому мальчику, открывшему дверь номера... Я не разглядела его лица, но если раз узнаю об убитых там, это может вывести меня на его след. И тогда моя способность послужит чему-то стоящему, и Нора убедится, что я способна на большее, чем просто заниматься хозяйством.

Мимо моей головы пролетел сгусток света.

Блуждающий огонёк завис передо мной, ослепив, как фара, затем обогнул меня по кругу и стрелой умчался в лес Холлоуторн.

Нахмурившись, я проводила его взглядом.

«Рэйвенфолл» стоял в точке, где Завеса, отделяющая Потусторонний мир, он же царство духов, была сама по себе очень тонкой, а с приближением конца октября истончалась всё больше и начинала пропускать духов и других существ в мир людей – но я не ожидала увидеть блуждающие огни раньше следующей недели.

Надо поговорить об этом с бабушкой.

Моя охота на Макса затянулась намного дольше, чем я рассчитывала. Дом пытался помочь, стены стонали в определённых местах, подсказывая направление, но Макс обожал его доводить, и к тому моменту, как я добиралась до нужной точки, он успевал сбежать.

В итоге я отправилась на кухню за сырым стейком. Мясо было холодным и скользким, но меня это не пугало.

– Еду получишь на улице, Макс, – предупредила я.

Пожилая супружеская пара, стоящая перед входной дверью, испуганно заморгала и прижала к себе чемоданы.

– Не беспокойтесь, Макс ест только то, что уже умерло, – заверила я их.

Мужчина с перепуганным видом выпрямился, и меня запоздало осенило, что эта фраза звучит намного обнадеживающе у меня в голове, чем произнесённая вслух. Смутившись, я пробежала мимо них и постаралась выбросить это из головы. В Уике можно увидеть гораздо более странные вещи, чем идущая по коридору девочка с сочащимся кровью куском мяса в руке, к тому же я давно оставила попытки познакомиться с постояльцами. И вообще с кем бы то ни было.

Кому нужны друзья, если у меня есть дом и Макс?

– Выходи или я сама всё съем! – пригрозила я, выйдя на террасу.

Чувствуя, как по ладони течёт сок, я вытянула руку, чтобы он не попал на одежду. Моим старым джинсам как раз не хватало одной финальной капли, чтобы загадочно испарить-

ся и отправиться стараниями Норы в стирку.

Из леса, окружающего дом, выбежал чёрный силуэт. Макс пытался представить всё так, будто он и не заходил внутрь, но меня было не так-то легко провести.

До моих ушей долетел рокот автомобильного двигателя, и моё внимание с Макса временно переключилось на свернувшее на подъездную дорогу такси. Оно остановилось перед крыльцом, водитель с улыбкой замахал, но меня намного больше интересовал незнакомый мальчик на заднем сиденье. Это его появление предвидела Нора?

Он вышел из машины с небольшой дорожной сумкой в руке.

Первое, что я в нём отметила, это его глаза – поразительного ярко-серого оттенка.

А потом я заметила кровь.

Глава 2

Колин

Первое, что я увидел, был дом.

Огромный, с преобладанием готического стиля – все эти угловатые арки и витражи со шторами из плюща, – в безумном сочетании с викторианскими башенками, сужающимися

кверху четырёхугольными колоннами и средневековой резьбой по камню. Все эти детали мне знакомы из журналов об архитектуре и дизайне, которые я любил пролистывать по ночам, когда остальные члены моей семьи уже спали.

Я часами представлял, как буду снова жить в своём доме, а не переезжать каждые несколько недель из одного дешёвого мотеля в очередную пахнущую плесенью съёмную квартиру, что мы делали последние семь месяцев – спасибо программе защите свидетелей.

Второе, что я увидел, была девочка со смуглой кожей, светлыми волосами, карими глазами и в пушистом свитере размера на два больше, чем нужно, с буквами «Скоро буду» спереди. В руке она держала кусок сырого мяса и не моргая смотрела на меня. Небольшой чёрный кот, встав передними лапами ей на ногу, старался дотянуться до мяса.

Всё это было так странно, что я чуть не запрыгнул назад в такси, но я и так потратил два дня и остатки наличных Лиама, чтобы добраться сюда из Монтаны. Лиам отправил меня сюда не просто так.

От мыслей о нём сердце забилося быстрее, и я посмотрел по сторонам, надеясь, что он уже здесь и ждёт меня. Он погнался за двумя мужчинами, вломившимися в наш номер пару дней назад, но перед этим взял с меня слово, что если к вечеру не вернётся, на случай, если мы по какой-то причине разделимся, я по наказу родителей отправлюсь в условленное место – в гостиницу «Рэйвенфолл».

Поток воспоминаний застопорился на родителях, на мамином неподвижном теле на полу и папиной поникшей голове – как если бы он просто заснул, сидя на стуле.

Последние семь месяцев мы постоянно переезжали, убегая от охотящихся на нас людей, и за всё это время родители так и не объяснили мне, кто они и что натворили. И теперь уже никогда не объяснят.

Только бы Лиам был в порядке. Я не выдержу, если и его не станет.

– Ну, береги себя! – бросил таксист, торопливо вырвав назад на дорогу.

Я его не винил. Едва ли он поверил в мою историю про «поездку к тётё», а учитывая засохшую кровь на моей фланелевой рубашке, он наверняка понял, что у меня неприятности.

И он прав. Хотя я понятия не имею, из-за чего.

Я даже не знаю, почему родители настаивали именно на «Рэйвенфолле». Я один раз пробил его в поисковике. Их сайт представлял собой фотографию гостиницы и бесполезную информацию, что ею управляет семья экстрасенсов. Я знал, что она находится в Орегоне, поэтому доехал на автобусах до Портленда, а там сел в такси. Поскольку навигатор водителя не знал города Уик, добирались мы сюда по бумажной карте из чрезвычайной сумки, расставаться с которой родители мне запретили.

После нескольких часов езды через лес – хотя, если су-

дить по карте, путь просто физически не мог занять столько времени, – перед нами неожиданно возник город, производящий впечатление такой же неотъемлемой его части, как осенние листья и бугрящиеся из земли корни толщиной с мужское бедро. Воздух в нём был как перед самой грозой – тягучий и заряженный.

Как я сейчас.

Я задержал дыхание, стараясь переключить внимание на жжение в горле от нехватки кислорода со злости и с печали, грозящих меня поглотить. Лиам никогда не терял контроль над эмоциями. Он всегда был как скала, и эти последние месяцы я делал всё, что в моих силах, чтобы стать таким, как он, и не быть обузой ни ему, ни нашим измотанным родителям.

А теперь мне тем более нужно следовать его примеру, если я надеюсь когда-нибудь выяснить, кто их убил.

Когда я снова к ней повернулся, девочка продолжала на меня смотреть, но мясо уже лежало на земле, и его с жадностью уплетал кот.

У неё что... кровь в волосах?!

«Это от стейка», – сказал я себе, поднимаясь по ступенькам, по бокам которых лежали ярко-оранжевые и белые тыквы, вдоль увитых плющом железных перил высились пожелтевшие снопы кукурузных побегов, а рядом с парадным входом стояло чучело, и я чуть не споткнулся, когда его руки с шорохом качнулись.

«От ветра», – подумал я, стыдя себя за глупый страх. Лиам не для того последние семь месяцев учил меня рукопашному бою, чтобы я боялся чучел. Я должен был уметь постоять за себя, если наши преследователи нас найдут. Но что я сделал, когда это случилось? Снова бросился в бега.

– Привет, – поздоровалась девочка. Её улыбка была из тех, которые отражаются в глазах. Мама тоже так улыбалась.

– Привет. – Я переступил с ноги на ногу. – Это... э-эм... гостиница «Рэйвенфолл»?

– Она самая. Я Анна.

– Колин. Приятно познакомиться. – Я протянул ей руку.

Она посмотрела на неё, но пожимать не стала. Сгорая от неловкости, я опустил руку и снова переступил с ноги на ногу. У неё был обескураживающе пронизывающий взгляд, будто она знает обо мне больше, чем я сам. Возможно, так и было. Вдруг она умеет читать мысли и знает, о чём я думаю? Поморщившись, я прогнал эти глупые мысли.

Экстрасенсов не бывает.

Анна снова улыбнулась. Она продолжала не моргая на меня смотреть, но у меня возникло ощущение, что её взгляд направлен не на меня, а сквозь меня. Всё это начинало действовать мне на нервы.

И вдруг кот на меня прыгнул.

– Ха! – Анна перехватила его в воздухе и крутанулась на месте. – Так и знала, что ты это сделаешь! – торжествующе воскликнула она, держа кота на вытянутых руках. – Ты ста-

новишься предсказуемым.

Кот подавленно обмяк. Я не знал, что коты могут выглядеть подавленными.

– Счёт один-ноль не в пользу Макса! – Анна поставила Макса на террасу и, пока тот с неохотой вернулся к сырому стейку, снова обратилась ко мне: – Прости. Он у нас большой любитель подшутить над людьми, и его привлекает кровь. – Она кивнула на моё плечо. – Тебе нужно показаться моей бабушке, пока ты здесь.

Порез перестал кровоточить, но ещё болел. Его мне нанёс один из убийц моих родителей. Лиаму удалось серьёзно ранить второго, и я надеялся, что это поможет ему их нагнать. Они не уйдут безнаказанными – брат об этом позаботится.

– Так и сделаю, – пообещал я, и только тогда до меня дошёл смысл всех её слов. Коты не подшучивают над людьми.

Она снова посмотрела на меня так, что я почувствовал себя не в своей тарелке.

– Нет, не сделаешь.

Верно. Я привычен к ранам. В основном я получал их на боксёрских спаррингах с Лиамом и давно сбился со счёта, сколько раз мы друг друга заштопывали – когда ты в программе защиты свидетелей, процесс получения профессиональной медицинской помощи сильно усложняется. Но брат настаивал, что тренировки необходимы, и он прав.

– Ты хочешь снять номер? – спросила Анна.

Я кивнул:

– У вас есть свободные?

Её взгляд упал на мою старую дорожную сумку, и я опять почувствовал неуверенность: а вдруг они не селят четырнадцатилетних подростков одних? У меня не осталось денег, чтобы устроиться где-то ещё, и Лиам будет искать меня здесь. Я попытался придумать, что бы он сказал на моём месте – у него всегда получается расположить к себе собеседника, он всем нравится, и к нему прислушиваются.

Я так и продолжал стоять неуклюжим столбом, пока Анна снова не улыбнулась и не сказала:

– Есть. Ты один?

– Да. Хотя, может, у вас уже поселился Лиам Пирс?

– Ни Лиамов, ни Пирсов, – ответила она.

У меня оборвалось сердце, но я решил подождать с разочарованием и пошёл за ней в просторный вестибюль с высоким потолком и витражами, изображающими загадочных крылатых существ. В глубине его начиналась широкая лестница, больше подходящая для сказочного замка. Всё это открытое пространство и естественное освещение создавали иллюзию, будто комната дышит и картины на стенах в любую секунду оживут.

И тут входная дверь за моей спиной сама собой захлопнулась.

– Ой, да хватит уже, – не оборачиваясь, упрекнула Анна.

– Это не я.

– Я знаю. Я не тебе.

Я посмотрел по сторонам, но кроме нас в вестибюле были лишь пара гостей, разговаривающих у эркерного окна, и Макс, ожидающий нас у лестницы. Его зелёные глаза озорно поблёскивали.

Когда мы подошли, он притворился, что собирается на меня прыгнуть, и я резко затормозил. Анна усмехнулась:

– Не бойся, это он так шутит.

– Шутит? – переспросил я. – Он же кот.

– И у него крайне убедительно получается им быть.

Возможно, это она надо мной подшучивает. В любом случае у меня не было сил выяснять, и я молча поднялся за ней по лестнице. Сейчас мне хотелось одного – рухнуть в постель и отгородиться от мира, пока не приедет Лиам.

– Несколько основных правил для постояльцев. – Она, не сбавляя шага, показала три оттопыренных пальца. – Первое: не вредить дому. Он отомстит. Второе: не заключай никаких сделок ни с кем в Уике. Ни при каких обстоятельствах. Просто поверь мне. И третье: если заблудишься, позови Макса. – Наверху лестницы она развернулась ко мне лицом. – Ах да! И если зеркало на третьем этаже что-нибудь у тебя спросит – не отвечай. – Анна секунду помолчала, её лицо вытянулось. – А вообще не поднимайся на третий этаж. Он имеет тенденцию исчезать.

Теперь я уже однозначно уверился, что она надо мной подшучивает. Позвать Макса? Исчезающие этажи? Может, у них так здесь заведено, чтобы поддерживать слухи об экс-

трасенсах и привлечь клиентов? Вот только я не в настроении участвовать в этом балагане.

– Что у тебя с плечом? – внезапно сменила она тему, сворачивая в коридор. – И запоминай дорогу: не хочу, чтобы ты ночью блуждал в потёмках, рассчитывая на одного Макса.

Я взглянул на кота, ритмично помахивающего хвостом, и рассеянно потёр плечо:

– Я предпочел бы не полемизировать на эту тему.

Анна покосилась на меня, и я добавил:

– В смысле не обсуждать это.

Уголок её губ дрогнул.

– Ладно. Не будем полемизировать.

Мы сворачивали то в один коридор, то в другой. Внутри дом оказался таким же странным и эксцентричным, как снаружи: какие-то проходы были узкие и с голыми кирпичными стенами, другие – просторными, с высокими потолками и залитыми светом из панорамных окон стенами, оклеенными элегантными обоями с красным как кровь плющом и феями. Эта гостиница вполне сошла бы за лабиринт.

– Почему здесь всё так... по-разному? – не выдержал я, когда мы прошли мимо оконного алькова, задрапированного тёмно-красным бархатом в стиле вампирского поместья. Пожилой мужчина читал там книгу.

– Моя семья здесь живёт очень давно, – ответила Анна. – И каждый что-нибудь добавляет от себя. Дом это ненавидит.

– Ты так говоришь, будто он живой.

Анна остановилась:

– Так и есть.

Мы уставились друг на друга, но я поборол порыв назвать её лгуньей. Наверняка это часть их маркетинговой стратегии: заставить людей врасплох, собирать о них информацию, а затем на её основе делать логичные выводы в подтверждение своих якобы экстрасенсорных способностей. Я видел нечто подобное по телевизору, ещё когда моя жизнь не была бесконечной каруселью из мотелей.

Анна сморщила нос и махнула в сторону последней двери в коридоре:

– Вон твоя комната.

– А ключ?

– Если тебе понадобится, дом запрёт дверь, – с нажимом произнесла она.

Секунду я обдумывал, не высказать ли ей, что я на самом деле обо всём этом думаю, но в итоге ограничился коротеньким «спасибо» и, скользнув мимо неё, захлопнул за собой дверь.

Комната оказалась угловой, две стены занимали витражи с уже знакомыми загадочными мотивами: кони с рыбьими хвостами, призрачные тюлени, феи с заострёнными ушами и большие чёрные псы.

Но это было ещё не самое странное. В кованом изголовье кровати в настоящих подсвечниках горели толстые свечи, а на нём сидел тёмный металлический ворон с наклонённой набок головой.

Обуздав разыгравшееся воображение, я поставил сумку на кровать и расстегнул молнию. Я мало что смог взять с собой, когда мы уехали из Калифорнии семь месяцев назад, но пара сменной одежды была и ещё несколько полезных вещей, собранных за время путешествий. Мои мысли в который раз обратились к моей коллекции книг, брошенной дома, – мы с Лиамом возводили из них целые крепости.

Сев на кровать и стараясь не обращать внимания на боль в плече, я открыл чрезвычайную сумку. В ней лежали зубная

щётка и зубная паста, дезодорант, немного наличных, пара энергетических батончиков, бутылка воды, предоплаченный мобильный телефон, мини-аптечка и карманный ножик. Я также включил в неё потрёпанный словарик, найденный в номере первого отеля (я уже успел добраться до буквы «П»). Так себе развлечение, но неплохо, чтобы убить время. Книги вещь дорогая, к тому же таскать их на себе, когда ты пере-езжаешь каждые пару недель, – то ещё удовольствие. С компьютерами ещё сложнее: родители категорически отвергали всё, что могло помочь преследователям нас выследить – это касалось как мобильных, так и ноутбуков, – к тому же мы в принципе мало что могли себе позволить после того, как папе пришлось переквалифицироваться из медбрата в кассира на полставки, а мама уволилась из автомастерской.

Я быстро уяснил, что чем более заумные слова ты используешь, тем взрослее кажешься, а это очень кстати, когда тебе необходимо убедить мотельного администратора, что в вашем полуночном отъезде нет ничего подозрительного, пока родители утрамбовывают в багажник все ваши пожитки.

Я вытащил бутылку с водой, из-за чего содержимое сумки сместилось, явив кожаный уголок потёртого переплёта. Отставив бутылку, я сдвинул всё вбок и выудил записную книжку с выдавленным на обложке кельтским узлом. Она принадлежала моим родителям и, насколько я помнил, лежала в маминой чрезвычайной сумке.

Но именно ярлычок подтвердил, что это действительно

моя сумка. Тогда как записная книжка здесь оказалась? Я открыл её и пролистал – все страницы были пусты. Но родители по какой-то причине никогда с ней не расставались, и я много раз, просыпаясь, заставлял маму или папу сидящими над ней в свете лампы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.